
А. С. СОКОЛОВ

ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ К. МАРКСА

Едва ли возможно всерьез говорить о понимании природы реальности вообще и социальной реальности в частности без выяснения характера причинно-следственных (закономерных) связей и отношений между элементами, ее образующими. Своеобразием этих связей определяется в конечном счете качественная специфика любого бытийного образования, и именно в способности эту специфику выявить заключается подлинное теоретико-методологическое достоинство исследовательского подхода каждого из работающих в области (социальной) онтологии авторов.

Особую теоретическую «интригу» в рассматриваемый вопрос вносит то обстоятельство, что такое – каузально-законоустанавливающее – истолкование социальной реальности не просто затруднительно, но начиная с эпохи Нового времени кажется к этой реальности вообще не приложимо. Научная революция XVII в., сформировавшая механистический стандарт рационального объяснения, свела на нет ту тонкую и глубокую трактовку проблемы причинности, которую знала еще античная философия, понимавшая под причинностью какого-либо предмета совокупность самых разных факторов и условий, обеспечивающих его реальность и самоидентичность¹. Все Аристотелево многообразие «причин бытия» было редуцировано фактически лишь к «действующей» причине (к механическому воздействию, посредством которого один из предметов деформирует или подталкивает к движению другой). При относительной допустимости такой редукции в области естествознания

---

¹ Тот же многогранный смысл, который в понятие причины вкладывала философия Древнего мира, явственно различим и в русском слове «чин», обозначавшем всю совокупность факторов, обеспечивающих бытийное своеобразие, строй, порядок некоторого объекта, его место в универсальной иерархии сущего.

совершенно очевидно, что она полностью неприемлема в области теоретического обществознания, чревата слишком явной вульгаризацией в понимании закономерной структуры сознательно мотивированных общественных отношений.

Не удивительно поэтому, что социальные мыслители Нового времени, приверженцы договорной интерпретации природы общественных отношений, предпочитали не столько пользоваться при объяснении последних имплицитно содержащей в себе момент объективности категорией *причинности*, сколько писать о субъективных *мотивах* (обычно принимаемых за константные и обусловленные самой «человеческой природой») и *целеполаганиях* устанавливающих меж собой эти отношения индивидов. Не удивительно также, почему и в дальнейшем многими теоретиками социальной философии (мыслителями и позитивистской ориентации вроде К. Поппера, и особенно приверженцами неокантианской традиции, идущей от Баденской школы и М. Вебера к А. Шюцу, П. Бергеру и Т. Лукману) предлагается фактически вообще отказаться от каузально-номотетического объяснения социально-исторических явлений, заменив причинно-следственную обусловленность этих явлений «функциональной связью», смысловой «адекватностью» человеческих действий, намерений и ожиданий некоторым, идеально-типическим стандартам, позволяющим установить их символическую родственность (аналогичность или – в духе О. Шпенглера – гомологичность) и принадлежность к одной культурно-исторической системе ценностей. Признавая допустимость, отчасти даже необходимость и такого теоретического подхода (как первоначальной ступени социально-исторического познания), мы вместе с тем полагаем, что, характеризуя данный подход, можно говорить лишь о социальной *феноменологии*, но никак не об *онтологии*.

Онтология же – будем исходить именно из такой презумпции – предполагает не просто реконструкцию смысловой (символической) соотнесенности каких-то явлений между собой, тем более соотнесенности («интерсубъективной значимости») их только для вступающих в коммуникацию человеческих *сознаний*. Онтология, в том числе и онтология социальная, предполагает *реальность* («объективность») этих явлений, их каузальную взаимосвязанность и при этом такого рода неравнозначность самого их бытийного ста-

туса, которая требует не просто координации, смыслового соответствия разных явлений друг другу, но и определения того, какое из них обуславливает, вызывает к жизни другое, задает параметры его функционирования.

Имея в виду такое толкование сути онтологического подхода в объяснении реальности, совершенно очевидно, что социально-философские построения К. Маркса вписываются именно в его рамки. Сделав источником объективной упорядоченности общественно-исторического процесса не какую-то сверхэмпирическую, умопостигаемую сущность, которая могла бы быть связана с элементами («модусами») объективирующей ее социальной реальности лишь по принципу субстанциальной обусловленности, а *производительные силы*, доступные такому же эмпирическому контролю и обладающие той же степенью реальности, онтологической определенности, что и закономерно связанные с ними прочие социальные объекты, К. Маркс, говоря о взаимосвязи этих «производительных сил» и «производственных отношений», «базиса» и «надстройки», «общественного бытия» в целом и «общественного сознания», демонстрирует в своих теоретических исследованиях *каузальный* характер их взаимной обусловленности. Объясняя явления явлениями же (а не умозрительно конструируемыми сущностями), основоположники марксизма не ограничивались установлением лишь функциональных корреляций между ними, а всегда стремились раскрыть именно *направленный*, причинно-следственный характер социальной обусловленности; и хотя ими признавалась относительная бытийная автономность обусловленного («надстроечного») факта (института) общественной жизни, а также его способность к обратному воздействию на обусловившие его («базисные») обстоятельства² (без чего было бы невозможно понять самоорганизацию социальной системы), все же именно доминантность причины в законосообразной связи ее со следствием была характерной чертой социальной онтологии Маркса, обеспечивая ее простоту, понятность и психологическую убедительность для читателя.

---

² Особый акцент на этой идее ставил в своих «письмах об историческом материализме» Ф. Энгельс (см.: Энгельс, Ф. Письмо к Й. Блоху от 21 сентября 1890 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 37. – С. 394–396; Он же. Письмо к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. // Там же. – С. 414–421; Он же. Письмо к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. // Там же. – Т. 39. – С. 82–86; Он же. Письмо к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. // Там же. – С. 174–176).

К сожалению, это ощущение простоты, понятности и убедительности достигается К. Марксом также и за счет отсутствия систематической авторской конкретизации самого характера тех причинно-следственных связей, которые он выявляет в структуре общественных отношений, за счет отсутствия той категориальной строгости, с какой эти связи следовало бы формулировать. В своих – как правило, не слишком пространных – комментариях общепонятно-логического характера создатель «исторического материализма» обычно придерживается довольно нейтральной и малоопределенной терминологии: «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»³, «не сознание людей *определяет* их бытие, а наоборот...»⁴, «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... (и) *тогда* наступает эпоха социальной революции»⁵ и т. д. и т. п. Такая недостаточно четкая терминология, при всей очевидности каузальной интенции, которая за ней стоит, весьма затрудняет понимание подлинного характера социальных отношений, на которые ссылается во всех этих случаях К. Маркс, понимание самого механизма их осуществления. Не облегчает этого понимания и обращение к «истматовской» литературе советских лет, авторы которой, за крайне редким исключением, ограничивались в данном случае лишь воспроизведением выше приведенных и им подобных высказываний классиков марксизма без подробных комментариев и с сохранением характерных для этих высказываний терминологических оборотов.

Таким образом, задача систематизации тех разновидностей (типов) причинно-следственной обусловленности социальных явлений, которые на самом деле присутствуют в обществоведческих работах К. Маркса и имеются им в виду, представляется нам сколь актуальной в историко-философском плане, столь и сложной в практическом осуществлении. Не претендуя на полноту и окончательность выводов, выделим несколько таких разновидностей со-

---

³ Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 13. – С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

циальной причинности, которые действительно «работают» в теоретическом пространстве марксистской философии.

Во-первых, памятуя о той огромной, поистине системообразующей роли, которую играют в социальной онтологии К. Маркса «производительные силы», отметим, что свою способность быть носителем, своего рода остоном объективной (закономерной) упорядоченности общественно-исторических отношений они – и в первую очередь материальные их компоненты – обретают, становясь *ограничителем* свободной, субъективно-целеполагающей деятельности человека: какие бы цели последний перед собой ни ставил, осуществить он способен только те из них, что принципиально достижимы с помощью орудий и предметов труда, которые на данный момент находятся в его распоряжении и сам материал которых предоставляет работнику не беспредельные технологические возможности. Обращаясь к терминологическому словарю Аристотеля, мы могли бы с достаточной степенью условности назвать разбираемый (предметно/инструментально) ограничительный тип социальной причинности также и «*материальным*», вместе с Р. Бхаскар-ом полагая при этом, что саму социальную реальность как таковую, «следуя Марксу, можно аналитически рассматривать... как производство, то есть работу над и с материальными причинами, влекущую за собой их преобразование»⁶.

Впрочем, при всей важности для социальной онтологии Маркса именно такого типа причинной обусловленности общественных явлений лишь им одним ее теоретическое богатство не исчерпывается, да и сосредоточение всей полноты исследовательского внимания только на материальных ограничителях целедостижения оставляло бы без всякой ясности вопрос о механизме постановки человеком целей своей деятельности. Попытаемся в этой связи обозначить уже «позитивный», а не только ограничительный тип каузальной обусловленности социальных явлений, который предполагает социальная онтология К. Маркса.

Активным компонентом в структуре производительных сил, как известно, являются у великого немецкого мыслителя люди, которые, будучи носителями своей «рабочей силы», наделены и сознанием, а следовательно, не только прикладными знаниями и уме-

---

⁶ Бхаскар, Р. Общества // Социо-Логос. – Вып. 1. – М., 1991. – С. 228.

ниями, но и «потребностями», «интересами», «убеждениями», то есть такими психическими образованиями, которые по самой своей целеполагающей природе требуют собственной практической реализации, становятся непосредственными мотиваторами человеческого поведения. И даже материальные компоненты производительных сил станут представляться нам не столь уж пассивными и пригодными лишь к манипуляциям над ними со стороны вне их сформировавшейся человеческой воли, если мы обратим внимание на тот факт, что их устройство и технологические возможности самим людям известны, а последние, ставя для себя, согласно К. Марксу, только принципиально достижимые цели⁷, склонны, следовательно, использовать их по назначению. По этой причине даже столь ценимые К. Марксом материальные производительные силы следует рассматривать не только в качестве объективного ограничителя для вариативности человеческих действий, для произвола его субъективного целеполагания, но и в качестве фактора, косвенным способом – через осознание человеком собственных (технологических) возможностей – саму его субъективную волю формирующего. Таким образом, все производительные силы в целом действительно являются именно *силами* в привычном понимании смысла этого слова, то есть динамическими образованиями, обладающими достаточной энергией для своего практического осуществления, для «подталкивания» индивидов к тем или иным социальным действиям, для развертывания (реализации) себя в виде определенных социальных структур или форм общественного сознания. Такой – силовой, самореализующийся, саморазвертывающийся в виде человеческих действий и их продуктов – тип социальной причинности можно было бы с достаточной степенью условности назвать «*динамическим*».

Одновременное «срабатывание» обоих различных по своему механизму типов социальной причинности, один из которых препятствует реализации человеческих планов и замыслов, другой же, напротив, способствует их формированию и осуществлению, подталкивая людей к действиям, а не противодействуя им, приводит,

---

⁷ Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 13. – С. 7.

как это показывает К. Маркс, к появлению на уровне общественно-строения целого ряда особых системных эффектов.

Один из них условно назовем эффектом *двусторонней детерминации* социальных отношений. Решаемые на «базисном» уровне общественной формации проблемы и удовлетворяемые на данном же уровне человеческие потребности в самом этом процессе порождают, как утверждают основоположники «исторического материализма», новые потребности и проблемы, удовлетворяемые и решаемые на «надстроечных» для данной формации уровнях, что превращает последние не просто во внешний продукт, побочный результат базисных общественных отношений, а в такой продукт, который, сохраняя свою «вторичность», то есть обусловленность и производность, сам становится и условием осуществления, и функционально необходимым элементом системы породивших его базисных отношений, причем элементом, который оказывается столь тесно встроенным в нее, что на одном лишь эмпирическом уровне его невозможно даже отграничить от исходных элементов этой системы базисных отношений⁸.

Так, например, общественное сознание, будучи не только *образом* социальной действительности, но, как это явствует из работ классиков марксизма, также и составным ее элементом, мотивируя (иногда необходимо ложным – «превращенным» – способом) поведение агентов социальных отношений или даже (в форме науки как «непосредственной производительной силы») участвуя в планировании и организации этих отношений, становится необходимой предпосылкой и формой движения (воспроизводства) самого общественного бытия.

Этот же самый эффект двусторонней взаимной обусловленности первичного (базисного) и вторичного (надстроечного) констатируется К. Марксом и тогда, когда, разрабатывая экономическую структуру материального производства, он отмечает, что – целиком определяемые характером последнего – такие его составные элементы, как отношения обмена и распределения, становясь опо-

---

⁸ На особую важность данного эффекта для социальной онтологии К. Маркса указывает Л. Альтюссер (см., напр.: Althusser, L. Marx's New Science // Interpretations of Marx: collect. – Oxford, 1988. – P. 67–69).

средующими моментами производственного процесса, обеспечивают возможность его осуществления вообще, превращая таким образом само производство в «органическое целое»⁹.

Кроме того, следуя логике рассуждений К. Маркса, мы бы применительно к социальной реальности указали на такой системный эффект, который с еще большей степенью условности можно было бы назвать «*миметическим*» и смысл которого заключается в том, что сама структура базисных социальных отношений становится своего рода моделью для подражания (уподобления), воспроизводясь на надстроечных уровнях общественной формации. Это верно не только для сопредельных экономическому базису политических и правовых отношений, организационная структура которых во многом уподобляется структуре материально-производственных отношений, но также и для таких, казалось бы, весьма удаленных от последних и достаточно автономных в своем строении и функционировании элементов общественной формации, как духовные («идеологические») отношения. К. Маркс показывает, что даже они, в процессе прогрессирующего разделения труда постепенно вовлекаясь в орбиту общественного производства и попадая под власть его организационных принципов, превращаются из формы свободного творчества в форму именно «духовного производства», то есть в деятельность по продуцированию необходимых капиталу (идеологических) форм сознания, деятельность, основанную на применении наемного труда, специализации и кооперации работников «идеологического фронта» и характерной именно для капиталистического способа производства утилитарно-коммерческой формы оценки и оплаты духовной продукции¹⁰.

Детально анализируя работы классиков марксистской социальной философии, внимательный читатель, вероятно, обнаружил бы и большее число каузально обусловленных системных зависимо-

---

⁹ См.: Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 24–36.

¹⁰ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Там же. – Т. 3. – С. 45–47; Маркс, К. Теории прибавочной стоимости // Там же. – Т. 26. – Ч. 1. – С. 139, 278–280, 420–421 и др. Анализ Марксовой концепции «духовного производства» см. также в: Духовное производство: социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. – М., 1981; Перов, Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. – Л., 1980. – С. 45–47; и другие работы.

стей, упорядочивающих собой социальную действительность, однако и тех, что мы уже попытались выделить, полагаем, достаточно, чтобы судить о том, насколько далеко Марксово понимание природы этих зависимостей отошло от классической для новоевропейской философии идеи социального атомизма. Последовательно проводя *холистический* принцип понимания социальной реальности, согласно которому (общественное) целое, будучи всегда бóльшим и иным, чем сумма его составных частей, довлея над ними и определяя их содержание, тем не менее само от них, от их взаимного опосредования, в свою очередь, существенным образом зависимо как в особенностях своего строения, так и в направлении своего развития, К. Маркс тем самым делает именно социальную философию флагманом-первопроходцем в разработке того *системного* или даже, как это модным стало сейчас говорить, «синергетического» подхода в понимании процессов самоорганизации реальности, который в XX столетии начал с успехом завоевывать теоретические просторы и естествознания.

Если же попытаться изложить существо Марксова понимания механизма упорядочения (самоорганизации) социальной действительности не – как это было только что представлено – в тяготеющих больше к научной традиции терминах причинно-следственного объяснения, а на менее, как нам кажется, удачном (строгом), зато более привычном и органичном для немецкой классической философии языке диалектических категорий, то тогда мы вынуждены будем согласиться с Ф. Тёкеи в том, что системообразующие, по К. Марксу, отношения между производительными силами и производственными (общественными в целом) отношениями следует – имея в виду не только те высказывания К. Маркса, в которых он называет производительные силы лишь «сырым материалом для... производства»¹¹, но также все теоретическое богатство его социальной онтологии – рассматривать не столько как отношение «*материя* – форма», сколько как отношение между «*содержанием*» и «*формой*». Отмечая глубокое почтение, которое К. Маркс всегда испытывал к традициям той философской школы, в духе которой он получил свое интеллектуальное воспитание, тот

---

¹¹ Маркс, К. Письмо П. А. Анненкову от 28 декабря 1846 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 27. – С. 402.

интерес, с которым он при написании «Капитала» заново «перелистал “Логику” Гегеля»¹², венгерский исследователь, представляется, сумел достаточно убедительно показать, что создатель «исторического материализма», по существу, согласился со своим духовным наставником в том, что категории «формы» и – ею *извне* ограничиваемой, но всегда к ней *«равнодушной»* – «материи» являются логически предшествующими и более примитивными в сравнении с категориями «содержания» и – уже *внутренне* им определяемой, только отчасти проявляющей к нему свое «равнодушие», автономность – «формы»¹³ и что взаимосвязь между производственными силами и производственными (общественными) отношениями К. Маркс прочерчивал в своих работах именно последним образом¹⁴.

Впрочем, каким бы именно вариантом терминологии мы ни пользовались, интерпретируя социально-онтологические построения К. Маркса, совершенно очевидно, что социальная действительность как таковая понималась им в качестве объективно упорядоченной (закономерной) системы общественных отношений, и тот материал, который был здесь приведен, позволяет нам сделать несколько уточняющих и обобщающих выводов относительно Марксова понимания закономерного характера этой социальной упорядоченности.

Социальные закономерности, согласно К. Марксу, действительно, существуют и при этом носят *объективный* (а не субъективно волеустанавливаемый, как полагали сторонники теории «общественного договора») характер, хотя и осуществляются лишь посредством сознательной деятельности людей. Оказываясь непреднамеренным результатом множества единичных человеческих действий, социальные закономерности не являются ни внешним их двигателем, ни сознательно преследуемой целью¹⁵.

---

¹² Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу от 14 января 1858 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 29. – С. 212.

¹³ См.: Тёкен, Ф. К теории общественных формаций. – М., 1975. – С. 12–14, 38–42.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В связи с этим Ф. Энгельс, например, замечает, что «каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений... это именно и есть история», причем зачастую «результаты, на деле вытекающие из этих дей-

Определяясь в каждом конкретном случае состоянием «производительных сил» общества, эти закономерности предполагают *производственную* интерпретацию самой социальной действительности, являются для К. Маркса законами общественного (вос-)производства индивидами условий своего существования, своих общественных отношений и, наконец, самих себя как субъектов своей «действительной жизни»¹⁶. Вне и помимо такой – производственной – интерпретации общественной жизни само понятие «социальные закономерности» смысла у К. Маркса не имеет и как категория им не употребляется.

Обладая каузальной природой, социальные закономерности, в понимании К. Маркса, далеки от того, чтобы конституировать жестко детерминированную структуру общественных отношений; они предполагают относительную автономность следствия («формы», «надстройки»), его способность к обратному воздействию на породившую его причину («содержание», «базис») и даже необходимость его присутствия в составе последней как условия ее – причины – способности к самореализации.

«Неклассичность» марксистского истолкования природы социальных закономерностей заключается также и в том, что их действие имеет *вероятностный* (стохастический) характер и затрагивает лишь крупные социальные общности, взятые на длительном (обычно в масштабе целой исторической эпохи) временном интервале. Определяя границу возможного и невозможного, меру более вероятного и менее вероятного хода событий, эти закономерности задают лишь общие параметры строения и функционирования социальных систем (общественных формаций), общие тенденции их исторического развития, а отнюдь не предопределяют социальное поведение каждого отдельно взятого индивидуума в каждой минутной его жизненной ситуации.

Предельно общих, универсальных социальных закономерностей К. Маркс насчитывает не столь уж много: законы определя-

---

ствий, вовсе не желательны» (Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 21. – С. 306).

¹⁶ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 3. – С. 18–19; Маркс, К. *Письмо к П. А. Анненкову от 28 декабря 1846 г.* // Там же. – Т. 27. – С. 403; Он же. *Экономические рукописи 1857–1859 гг.* // Там же. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 17; Он же. *Капитал* // Там же. – Т. 25. – Ч. 2. – С. 385; и др.

ющей роли производительных сил перед производственными (общественными) отношениями, соответствия «надстройки» «базису» и общественного сознания общественному бытию, – вряд ли многое еще можно было бы добавить к этому ряду. Все прочие (а систематического их перечня К. Маркс вообще нигде не дает) социальные закономерности являются исторически конкретными, выявляются лишь на уровне строения отдельных общественных формаций и тенденций их исторического развития (причем скольнибудь подробно – только применительно к буржуазному обществу).

Законы самовоспроизводства общественных формаций одновременно являются и законами их «самоотрицания», превращения их в качественно новые социальные образования¹⁷. Таким образом, социальные закономерности для К. Маркса не дополняются, а сами оказываются еще и *историческими* закономерностями развития общества, позволяя «историческому материализму» преодолеть логически, казалось бы, непреодолимую, сторонниками структурализма считающуюся даже необходимой пропасть между синхроническим и диахроническим типами объяснения социальной действительности¹⁸.

Наконец, социально-исторические закономерности могут проявлять свое действие, согласно К. Марксу, как в форме *случайности* (применительно к эволюции добуржуазных форм социальности), так и в – более органичной природе законов как таковых – форме *необходимости*¹⁹ (с каковою, например, капиталистическая обще-

---

¹⁷ Эта особенность закономерного развития общественных формаций в явной форме обнаруживается К. Марксом применительно лишь к буржуазному обществу, анализ экономических законов которого приводит его к выводу о том, что «историческая тенденция капиталистического производства сводится к тому, что оно с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание» (Маркс, К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» (1877 г.) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 19. – С. 120; см. также: Он же. Капитал // Там же. – Т. 23. – С. 773).

¹⁸ См., например: Арон, Р. Введение в философию истории // Диалектика: проблемы и поиски. – М., 1988. – Ч. 1. – С. 70–81.

¹⁹ Форму необходимости социально-исторические закономерности обретают только на стадии капиталистического производства, поскольку лишь в его рамках и именно на *общественной* (а не природной, как было прежде) основе начинается «прогрессивное развитие производительных сил», являющихся, по К. Марксу, общим источником и движущей силой социально-исторических перемен в целом, тогда как «технический базис» докапиталистических обществ был консервативен (см.: Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 46. – Ч. 2. – С. 32–33) и предыдущие общества скорее гибли под грузом накопленных богатств, нежели исторически обновлялись (см.: Там же), вследствие чего становление и самого буржуазного общества должно было пройти через стадию «первоначального», обусловленного во многом случайным стечением разнородных факторов внеэкономического нередко «накопления капитала» (см.: Маркс, К. Капитал // Там же. – Т. 23. – С. 725–773).

ственная формация должна уступить свое историческое место коммунистической в результате неуклонного роста органического строения капитала и столь же неуклонного стремления средней нормы прибыли к понижению, которые с «естественно-исторической» неизбежностью, утверждает К. Маркс в «Капитале», однажды сделают капиталистический способ производства невыгодным для самих же капиталистов)²⁰.

Необходимо отметить, что наиболее яркое и концентрированное воплощение указанные принципы Марксова понимания социальных причинности и закономерности получают в его учении о структурной упорядоченности той объективно сложившейся системы общественных отношений, которая с его же «легкой руки» получила в историко-материалистической литературе наименование «формационной». Однако в силу особой концептуальной значимости данной – формационной – модели законосообразного объяснения общественно-исторического процесса для социальной философии самого К. Маркса и остроты многочисленных дискуссий, которые она всегда вызывала и продолжает вызывать в исторической и теоретико-социологической литературе, вопрос этот заслуживает быть предметом отдельного и обстоятельного разговора.

---

²⁰ См.: Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 25. – Ч. 1. – С. 231–292. Именно указанная тенденция к понижению средней нормы прибыли капитала и возрастанию его органического строения определяется здесь К. Марксом как «настоящий предел капиталистического производства», как фактор, превращающий сам этот способ производства в «постоянное противоречие между его исторической задачей» (по «безграничному развитию общественных производительных сил труда») и «свойственными ему общественными отношениями производства» (Там же. – С. 274). См. также: Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Там же. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 214–263.